

— В издательстве так много авторов и партнеров, и все они продолжают сотрудничество только потому, что приносят прибыль. Но среди них есть один автор детских книг, который выпускает всего одну книгу в год, и часто раздает их бесплатно, не продавая.

— Как он зарабатывает, если не продает?

Си Цзюнь улыбнулся, но не ответил:

— У него даже есть отдельный офис в издательстве, рядом с кабинетом босса.

— Неужели это скрытые отношения?..

— Если бы только это, — Си Цзюнь поднял бровь. — Каждый его обед доставляется прямо из Башни Хэхай, и несколько раз уборщицы находили в коробках записки с пометкой «пробный».

— Башня Хэхай отправляет пробные блюда в ваше издательство, и это не для босса! — Юй Фэй сделал вывод. — Очевидно, что этот автор и есть тот самый человек Цзян Хэхая! Если верить твоим словам, он открыл ресторан ради его вкусов, издательство — ради его книг... Невероятно, кто же это, ты видел его, он красивый? Милая девушка или зрелая женщина?..

У Ханьши слегка улыбнулся, выпив свой Кужобань.

Си Цзюнь сделал вид, что задумался, и с сожалением ответил:

— Нет, не красивый...

Юй Фэй сразу же разочарованно опустил брови.

— Но он улыбается так мило!

— О? — Сяо Чжэнь заинтересовался.

Си Цзюнь с улыбкой указал на его лицо:

— Как и Сяо Чжэнь, он милый парень.

— Что, жена Цзян Хэхая тоже мужчина?! — Юй Фэй был поражен, словно проглотил муху, и почувствовал себя побежденным этим однополым миром. — Вы все с ума сошли или...

Здесь его взгляд случайно упал на Цяо и У Ханьши, которые мрачно повернулись к нему, и он резко сменил тему:

— ...или вносите вклад в контроль над рождаемостью!

— Пф! — Дядя Ли выплюнул чай ему в лицо.

После ужина все вернулись в постоянный двор семьи Цяо. Дядя Ли и Сяо Чжэнь хотели обсудить с Цяо некоторые дела, и Юй Фэй тоже присоединился.

— Значит, ты знаешь Цзян Хэхая только с одной стороны? — У Ханьши, развалившись на диване в комнате, зарезервированной для Си Цзюня, небрежно спросил.

Си Цзюнь с недовольством посмотрел на его ноги, которые он время от времени подергивал:

— Ну, это нельзя назвать односторонним, он видел меня, когда мы подписывали контракт.

— И ты стал выпрашивать о нем сплетни?

Си Цзюнь покраснел:

— Вы сами хотели слушать, это общеизвестные вещи в издательстве... «Как будто это я выпрашивал».

У Ханьши бросил на него беглый взгляд и, играя с указательным пальцем, спросил:

— Тогда то, что я хочу услышать, ты готов сказать?

Казалось бы, простой вопрос, но ответить на него было нелегко:

— Это...

— Еще не решил? — У Ханьши поднял бровь.

Си Цзюнь улыбнулся:

— Нет, кроме вопроса о поезде, я думал, ты хочешь узнать больше.

У Ханьши перестал играть с пальцем.

— По крайней мере, ты должен спросить, как я узнал Юй Фэя, как узнал Цяо, как распознал подпись Лэ Жу, как... узнал рецепт Кужобань...

У Ханьши поднял голову.

— Разве ты не хочешь всё это выяснить? — Си Цзюнь, его глаза, яркие, как черный лак, смотрели на него не моргая. — А вдруг я шпион?

Си Цзюнь тоже ненавидел то, что не умел, как другие, читать людей, хотя он старался быть открытым и жизнерадостным, но всё равно не мог полностью раскрыться перед всеми и сблизиться, даже общение с несколькими людьми в общепите уже отнимало у него много сил.

Снова столкнувшись с пронизательным и сильным У Ханьши, он не пытался обмануть его ложью, зная, что это невозможно.

Поэтому вместо того, чтобы пытаться во всём признаться и доказать то, что происходило в прошлом, но может не произойти сейчас, он решил позволить У Ханьши самому найти истину.

Только то, что он сам найдет, проверит и примет решение, будет иметь настоящую ценность доверия.

Кроме того, перерождение — это что-то настолько фантастическое, что нельзя ожидать, что У Ханьши сразу поверит.

Си Цзюнь мог лишь постепенно раскрывать правду, и затем ценить каждое проявление доверия, когда тот постепенно узнает всё.

На самом деле, когда он встретил его в поезде, и порядок событий изменился по сравнению с

прошлой жизнью, Си Цзюнь начал надеяться, что однажды кто-то сможет разделить с ним тревогу и радость перерождения.

Когда этот человек появился среди множества людей, Си Цзюнь всё же надеялся, что это будет У Ханьши.

У Ханьши перестал играть с пальцем и спокойно слушал. В нескольких метрах от него губы того человека мягко произнесли несколько весомых вопросов:

— ...по крайней мере, ты должен спросить, как я узнал Юй Фэя, как узнал Цяо, как распознал подпись Лэ Жу, как узнал рецепт Кужобань... Разве ты не хочешь всё это выяснить?

У Ханьши поднял голову.

Красивый парень, его глаза, яркие, как черный лак, смотрели на него не моргая:

— А вдруг я шпион?

Как и в случае с вопросом Цяо, У Ханьши сразу же отверг эту мысль. Но он не сказал ни слова.

Не зная откуда, но он был абсолютно уверен, что этот иногда наивный, иногда хитрый парень не мог быть тем, кто занимается подлостями и скрытностью.

Казалось, он знал его не один день, и даже не один год, эта близость проникла в сердце У Ханьши, но... всё же чего-то не хватало.

Внутренний голос говорил, что он еще недостаточно знает его...

Лицо, обращенное к нему, было размером с ладонь, и на нем читалась самодовольная ухмылка:

— Почему ты молчишь? Ты же хотел, чтобы я ответил? Ну, какой вопрос первый?

У Ханьши покачал головой:

— Я хочу услышать правду.

— Э?

— Если это не правда, то, какие бы ни были причины, лучше ничего не говорить.

Си Цзюнь потупил взгляд. Этот человек действительно не оставит никакой неопределенности, его характер не позволит.

Но сейчас, сколько шансов, что его не сочтут сумасшедшим?

Собравшись с духом, он все же заколебался:

— А если правда звучит более невероятно, чем ложь? «Перерождение, брат, ты поверишь?»

У Ханьши, к удивлению, улыбнулся:

— Ты думаешь, в чем разница между правдой и ложью?

...

— Если говорящий чувствует себя спокойно и честно, а слушающий верит, то это и есть правда.
— Он похлопал по брюкам и встал. — Похоже, тебе нужно еще время, чтобы обрести уверенность. Если ты сам не веришь в то, что говоришь, то, даже если я поверю, ты всё равно будешь думать, что я не верю.

Си Цзюнь вздрогнул.

— Мне интересно, почему тебе так важно, чтобы я... поверил?

...

— Говорить или нет — твое дело, верить или нет — мое. — У Ханьши, улыбаясь, обернулся у двери. — Разве что моя вера или неверие для тебя важны.

Так ли это?

У Ханьши оставил Си Цзюня в раздумьях и ушел.

Этой ночью, несмотря на мягкую кровать и удобную подушку, он, как обычно, не смог уснуть. Всю ночь он думал о том, почему У Ханьши, задавая вопрос, использовал утвердительную интонацию.

Неужели он что-то заподозрил?..

Он одновременно волновался и тайно надеялся на что-то.

Эту ночь Си Цзюнь провел в беспокойстве, вызванном его скрытыми чувствами и тем, что У Ханьши разоблачил его неуверенность.

Недаром говорят, что неуверенные в себе люди особенно тревожны.

Возможно, корни этого лежали в его детстве, в разрушающемся браке родителей и в том, как мать бросила их с отцом, когда ему было десять лет, а потом и отец ушел, оставив ему деньги на учебу.

В прошлой жизни он всю жизнь искал любовь, не находил, притворялся, что не нуждается, влюблялся, снова терял... Пустота, страх и неуверенность в себе привели к тому, что он замкнулся и не хотел сталкиваться с реальностью.

Первым, кто приблизился к нему, был Чжан Юэжань с его фальшивой маской, он положил конец его одиночеству и его жизни.

И была еще искренность У Ханьши, горячая, но ставшая холодной...

Прошлая жизнь все еще жила в его сердце, и У Ханьши был прав: с самого начала человек, который не верил в него, был он сам.

<http://bllate.org/book/16641/1524744>